

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.302-313>

EDN: PLONJE

Гаяз Исхаки о тюрьме Чистополя

М.А. Ахметова

Казанский научный центр Российской академии наук

Казань, Российская Федерация

ama201289@yandex.ru

Резюме. В 1907 г. в 203-ем номере газеты «*Казан мөхбире*» («Казанский вестник») был опубликован незавершенный очерк «Тюрьма» анонимного автора. Эта публикация впервые становится объектом научного изучения. Задача исследования состоит в установлении авторства путем сопоставления очерка с другими произведениями той поры на тюремную тему. Последовательный анализ повести «Зиндан», написанной Гаязом Исхаки в начале 1907 г. во время заключения в тюрьме города Чистополя, его автобиографии и очерка «Тюрьма» подтверждает несомненную связь между произведениями. На основе совокупности таких методов, как историко-культурный, биографический, комментированное чтение, автором статьи прослеживается эволюция взглядов Гаяза Исхаки на пенитенциарные заведения. Авторство очерка «Тюрьма» устанавливается путем обращения к автобиографии Г. Исхаки, его повести-дневнику «Зиндан» и через учет тематических и временных рамок произведений, особенностей исторической эпохи начала XX в. В статье обращается внимание на особенности бытования заключенных (в том числе и политзаключенных) в тюрьме Чистополя, которые в разные эпохи отличались разительно. В годы первой русской революции 1905–1907 гг., во время пребывания в заключении Гаяза Исхаки узники легко общались друг с другом, ходили в гости в соседние камеры, заказывали еду, а надзиратели участвовали с ними в чаепитиях. Тюрьма в описаниях Исхаки чем-то напоминала студенческое общежитие. Сокамерниками Исхаки были известные чистопольцы той поры – будущий депутат Государственной Думы, купец и общественный деятель Гариф Бадамшин, а также популярный у горожан мулла Наджиб Амирханов – дядя классика татарской литературы Фатыха Амирхана.

Ключевые слова: Гаяз Исхаки, Чистополь, тюрьма, повесть «Зиндан», очерк «Тюрьма», Наджиб Амирханов, Гариф Бадамшин.

Для цитирования: Ахметова М.А. Гаяз Исхаки о тюрьме Чистополя. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 2. С. 302–313. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.302-313> EDN: PLONJE

Gayaz Iskhaki about Chistopol prison

M.A. Akhmetova

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

ama201289@yandex.ru

Abstract. In 1907, in issue 203 of the *Kazan Mokhbire* (Kazan Herald) newspaper, an unfinished essay entitled “Prison” by an anonymous author was published. The given publication has become an object of academic research for the first time. The objective of the study was to establish the authorship by comparing the essay with other works of that time on the topic of prison. A consistent analysis of the diary short novel “Zindan”, written by Gayaz Iskhaki in early 1907 during his imprisonment in the city of Chistopol, his autobiography and the essay “Prison” confirms the undeniable connection between the written works. Based on a combination of such methods as historical and cultural, biographical method, and commented reading, the author traces the evolution of Gayaz Iskhaki’s views on penitentiary institutions. The authorship of the essay “Prison” is established by referring to the autobiography of G. Iskhaki, his diary short novel “Zindan” and by taking into account the thematic and time frames of the written works, the features of the historical era of the early twentieth century. The article draws attention to the peculiarities of prisoners’ life (including political prisoners) in the Chistopol prison, which differed strikingly in different eras. During the years of the first Russian revolution of 1905–1907, during the imprisonment of Gayaz Iskhaki, prisoners easily communicated with each other, visited neighboring cells, ordered food, and the guards participated in tea parties with them. The prison in Iskhaki’s descriptions was somewhat reminiscent of a student dormitory. Iskhaki’s cellmates were well-known Chistopol residents of that time – the future State Duma deputy, merchant and public figure Garif Badamshin, as well as Mullah Najib Amirkhanov, popular among the townspeople, the uncle of Fatykh Amirkhan – the Tatar literature classic.

Keywords: Gayaz Iskhaki, Chistopol, prison, the “Zindan” story, the “Prison” essay, Najib Amirkhanov, Garif Badamshin.

For citation: Akhmetova M.A. (2025) Gayaz Iskhaki about Chistopol prison. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 2: 302–313. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-2.302-313> (In Russ.)

Объектом исследовательского внимания является статья «Тюрьма (Эволюция моего видения)» неизвестного автора, опубликованная 12 января 1907 г. в номере 203 общественно-политической и литературной газеты «*Казан мөхбире*» («Казанский вестник»). Интерес вызван не только целью выяснения авторства, но и тем, что очерк все еще остается вне исследовательского интереса литературоведов. Такие специалисты ограничиваются включением информации о Гаяза Исхаки лишь в библиографию его произведений. Значительный вклад в публикацию документальных материалов по духовному наследию Г.Исхаки внес театровед Х.К. Махмутов (1933–1996). Он первым указал на авторство статьи «Тюрьма». По мнению Х.К. Махмутова, работа была опубликована, когда Г.Исхаки сидел в Чистопольской тюрьме. Она повествует об его многочис-

ленных арестах во время выборов в Государственную Думу Российской империи II созыва, об осознании автором, что в местах заключения содержится много необоснованно обвиненных и оклеветанных людей, в понимании им особенностей тюремного быта уже в молодые годы (Мэхмүтов, 1997: 154). В книгах М.Сахапова (1957–2020) (Сахапов, 2003; Сахапов, 2004) статья также включена в список произведений Г.Исхаки. В научно-популярном издании «Гаяз Исхаки» из серии «*Шәхесләребез*» (Исхакий, 2011) приведен подробный, составленный А.Загидуллиным, список его трудов. В нем упоминается изучаемая газетная публикация. Наша задача заключается во введении малоизученных произведений Гаяза Исхаки в историко-культурный ландшафт эпохи для расширения понимания своеобразного колорита творчества самобытного татарского писателя.

*О тюрьмах дореволюционного и советского времени
для политических заключенных*

Системы содержания политических заключенных в царских и советских тюрьмах отличались кардинально. Например, известный русский философ Н.А. Бердяев, основываясь на личном опыте, пришел к выводу о том, что тюремный режим был настолько легкий, что мне удавалось проникать в верхний коридор того же корпуса тюрьмы, где сидели дамы, мои хорошие знакомые. Во время прогулки все собирались вместе в тюремном дворе и устраивались настоящие собрания, на которых я обыкновенно бывал председателем <...> тюрьма в старом режиме была более патриархальным и мягким учреждением, чем усовершенствованная тюрьма в советском режиме <...> В старом режиме стража тюрьмы состояла из довольно добродушных русских солдат, которые видели в заключенных не «врагов народа», а врагов правительства, начальник тюрьмы управлял патриархально, если не был особенным зверем, что, конечно, случалось. В режиме советском, революционном стража тюрьмы видела в заключенных «врагов народа» и революции, и управление тюрьмы было отнюдь не патриархальным, оно отражало диктатуру и террор (Бердяев, 1991: 107, 105).

Говоря о дореволюционных тюрьмах, важно учитывать их местонахождение и состав насельников: уездные царские тюрьмы проигрывали губернским. Тюрьма в Чистополе была известна тем, что она «одновременно <...> являлась пересыльной для арестантов, следующих этапами в Оренбург и на Урал. Так что слышал Чистополь кандалный звон на протяжении веков: каторжный путь в Сибирь шел именно через Чистополь» (Карташова, 2004: 325). Тюрьма в городе советского периода была одной из самых строгих тюрем страны (таковых в СССР насчитывалось всего семь) (Чистополь, 2009: 72). В советское время она была «известной во всем мире» (Чистополь, 2009: 72).

С 1905 по 1912 гг. в период революционного брожения в Российской империи в тюрьмах оказалось рекордное количество политических заключенных. Именно во время первой русской революции произошло увеличение числа арестантов: в 1905 г. среднее ежедневное число тюремных сидельцев в России определялось в 85 000 человек, 1906 г. – 111 000, 1907 г. – 138 000, 1908 г. –

170 000 (Мякотин, 1909: 81). В тоже время в обществе, как отмечает С.В. Шебалков, было сочувственное отношение к политическим заключенным. Они составляли особую категорию тюремного населения и среди них «традиционно высоким был процент лиц привилегированных, и это предопределяло особенности режима их содержания» (Шебалков, 2014: 117).

Первейшая задача тюремного режима – это изоляция человека от внешнего мира, от общения с близкими людьми, единомышленниками. Правящий режим старался не допустить проникновения в камеры периодических изданий. Однако «печатное периодическое слово оказалось в силах пробить даже толщу тюремной стены». До революции оно проникало туда, например, «в форме, не возбуждавшей у тюремной администрации особых возражений и сомнений – в виде ежешестидневника со статьями духовно-нравственного характера» (Гернет, 1930: 175). Довольно распространенной была доставка газет и журналов надзирателями за вполне скромное вознаграждение. В 1900-е годы чистопольская тюрьма, по описанию Г. Исхаки, напоминала «школьный пансион или студенческие номера в гостинице» (Исхаки, 2024: 128).

Особенность режима содержания политических заключенных в дореволюционных тюрьмах отразилась в норме обращения к ним на «вы», ограничение или запрещение физического труда с целью недопущения влияния на других арестантов, политическим заключенным из привилегированных сословий разрешалось питаться не из общего арестантского котла, а за свой счет и в виде исключения «политикам» было разрешено заниматься за решеткой умственным трудом, хотя и в ограниченных масштабах (Гернет, 1952: 30).

Говоря о тюремном быте до революции 1917 г., нельзя обойти вниманием «Записки из мертвого дома» (1860–1862) Ф.М. Достоевского, который четыре года провел в Омском остроге и отразил свои впечатления в знаменитом романе. Здесь подробно описываются быт и нравы заключенных, взаимоотношения между каторжанами. Достоевский пишет о том, к каким видам физического труда привлекались заключенные, чем зарабатывали свой хлеб. Их мечты, развлечения, отношение к заключенным других национальностей, сословий и верований, все это стало предметом изучения для знаменитого автора-каторжника.

Если сравнить тюрьму дореволюционную, где заключенные могли почти свободно выходить из своих камер, заходить на чай-разговор к соседям, через надзирателей заказывать себе еду из города, получать газеты, передачи от родственников, а в религиозные праздники – от горожан в неограниченном количестве, то в советских местах заключения о таких вольностях можно было только мечтать. В октябре в 1978 г. в Чистополь перевели политических заключенных из Владимирского центра и до конца 1990 г. это была тюрьма строгого режима, в которой за малейшую провинность можно было попасть в карцер, на хлеб и воду.

Общая характеристика произведений Гаяза Исхаки о тюрьме

Прежде чем перейти к сопоставлению двух произведений Гаяза Исхаки – статьи «Тюрьма (Эволюция моего видения)» и повести «Зиндан» – сделаем некоторые важные замечания.

На наш взгляд, очерк «Тюрьма (Эволюция моего видения)» остался незавершенным. И хотя в газете «*Казан мөхбире*» не указано продолжение публикации в следующих номерах, мы в надежде на положительный результат, изучили публикации за 1907 г. и целенаправленно искали статьи на эту тему. Однако поиск не дал желанного результата. Не исключено, что продолжения статьи не было вовсе, а, возможно, цензура запретила публикацию.

Сопоставление начала очерка и повести Г. Исхаки «Зиндан», написанной в начале 1907 г. во время заключения автора в тюрьме города Чистополя, дает возможность понять несомненное тематическое сходство. Однако последний абзац очерка о Гаязе Исхаки, как достойного всяческого почтения сына татарского народа, писателя высочайшего уровня, наводит на мысль об авторстве другого человека. На наш взгляд, Исхаки, учитывая сложную политическую обстановку в стране и с целью отвести от себя внимание цензора, в конце очерка писал о себе в третьем лице. Внимательно изучив его «Зиндан» и статью «Тюрьма», мы находим несомненную связь между ними. Остановимся на некоторых деталях с целью обоснования наших соображений.

«Зиндан» – это художественное произведение, хотя правильно было бы обозначить его жанр как повесть-дневник, как разновидность автобиографической прозы. В нем выявляются некоторые черты, присущие личности автора, отражаются своеобразные особенности его внутреннего мира, личные переживания, связанные с жизнью, бурлящей за стенами тюрьмы. Статья «Тюрьма» относится к публицистическому жанру, в ней отражена история изменения взгляда автора на тюрьму.

Статья «Тюрьма (Эволюция моего видения)» была опубликована, когда Г. Исхаки сидел в тюрьме Чистополя. В повести «Зиндан» 5 февраля 1907 г. он сообщает: «Я написал письмо товарищам в Казань, чтобы они там по мере возможности напечатали бы этот рассказ «Тюрьма» и выслали мне деньги от его продажи» (Исхаки, 2024: 140). Однозначно, речь здесь идет именно о вышеназванном очерке. В следующей записи от 8 февраля 1907 г. он сообщает о завершении очерка «Тюрьма». 11 февраля, в день освобождения сокамерника, родного дяди Фатыха Амирхана, муллы-просветителя Наджиба Амирханова, Исхаки передает через него на волю окончание «Тюрьмы» и статью «*Курбан гаете*». Он просит разузнать возможность публикации «Тюрьмы» в Казани и отослать «*Курбан гаете*» в газету «*Казан мөхбире*». Статья «*Курбан гаете*» Г. Исхаки была опубликована в газете «*Тавыш*» 23 апреля 1907 г. в первом номере.

Гаяз Исхаки старался не держать написанное в камере, так как понимал, что внезапный обыск может привести к изъятию рукописи. Успех выноса рукописей за тюремные стены, пишет Исхаки, был делом большой удачи. Можно

было использовать тюремных служителей, оплатив им риск, либо заключенных, выходявших на работу, но их часто подвергали обыску. Исхаки опасался за судьбу рукописей и после благополучного выноса их за пределы тюрьмы написал: «Чистопольцы, передавая написанное друг другу, могли зачитать его до дыр и таким образом частично уничтожить» (Исхаки, 2024: 122). Однако потенциальные угрозы не испугали Исхаки, так как к его и читателей радости, «ни одна из них не осуществилась» (Исхаки, 2024: 122). Все написанное было передано адресатам в Чистополе и Казани.

Очерк «Тюрьма» начинается с воспоминания об образе тюрьмы у восьмилетнего мальчика:

В детстве тюрьма представлялась мне чем-то «невообразимо страшным». Если попал туда, считай – пропал. Кого ни спроси о тюрьме, у всех портилось настроение, недовольно кривилось лицо. Каждый просил милости и защиты у Аллаха от такой напасти. Помню, меня, восьмилетнего, отец взял в уездный город на ярмарку. На окраине города, в стороне от остальных домов, возвышалось не похожее ни на одно другое здание: вокруг него ходили солдаты с винтовками. В жаркий летний день сквозь открытые, но зарешеченные железными прутьями окна, были видны тянущиеся к свету людские головы, пытающиеся разглядеть происходящее на улице (Төрмә: 1907).

В повести «Зиндан» Исхаки обозначил, что он давно и хорошо знал все «прелести» тюрьмы, и поэтому «провел одиннадцать месяцев, ища прибежища в подвалах и чердаках» (Исхаки, 2024: 89).

Исхаки в своей автобиографии описывает, как в детстве, будучи шакирдом медресе, он на каникулы, на праздники и редко на выходные дни добирался до родной деревни Яуширма, что в 25 км от Чистополя. Ежегодные городские ярмарки были событием не только торговым, но и общественным: жители города, его гости из дальних и ближних мест, съезжались сюда для закупки необходимых промышленных товаров, одежды, обуви, продуктов. Здесь устанавливались новые знакомства, торгово-экономические связи, заключались договора на перспективу, поэтому даже дети понимали важность этого мероприятия. Но, проезжая около тюрьмы, люди становились серьезнее, каждый молил Всевышнего избавить от такой напасти и выражал то или иное отношение «к несчастеньким». Подтверждение мы находим в книге о прошлом и настоящем Чистополя, где отмечено сочувствие чистопольцев осужденным, у которых была традиция в праздники «ходить в тюрьму и передавать осужденным мелкие монеты, пироги, блины, калачи» (Карташова, 2004: 325). В память мальчика навсегда врезалась картина: вокруг здания – солдаты с ружьями, охраняющие тюрьму, из-за зарешеченных окон тянущиеся к солнечному свету, к людям на воле, бледные лица, старающиеся издалека разглядеть, что там происходит в миру, на свободе, чем живут они.

В очерке «Тюрьма» автор пытается пересказать эволюцию собственного мнения о тюрьме. 15-летний мальчик убедился в существовании судебного

произвола и клеветы, когда начал изучать биографии знаменитых людей. «На всю жизнь врезались в мою память описания арестов, несчастных бросали в камеры, словно злостных негодяев, полезных для общества деятелей заточали, будто злостных тунеядцев» (Төрмә, 1907). Постепенно взгляды мальчика на тюрьму меняются, он убеждается в том, что среди заключенных немало безвинно арестованных, оклеветанных людей. Эволюция произошла благодаря книгам и документам, раскрывающим злоключения сотен ученых, религиозных и общественных деятелей, которые были приговорены к длительным срокам заключения за активную просветительскую работу. Для многих из них камера стала не только местом отбывания наказания, но и гибели. Среди авторитетных представителей татарского народа Исхаки называет таких, как Шигаб хазрат, Зайнулла хазрат, Чистай Закир хазрат, которых без всяких на то оснований бросили за решётку. Вот эти факты заставили его думать и оценивать происходящее по-другому.

Представление обывателей начала XX в. о тюрьмах было достаточно примитивное, что отразилось в полной мере в произведении «Зиндан» Г. Исхаки. Приведем несколько «поучительных отцовских слов», которые вызвали не только испуг, но и отвращение, чувство брезгливости у восьмилетнего сына: «Туда закрывают убийц, воров, буйных пьяниц. А ещё и тех детей, кто не слушал родителей. Ломтик хлеба и кружка воды – вот и всё питание на целый день. Заключённых могут помногу месяцев не выпускать из камеры» (Төрмә, 1907).

Обратимся к дневникам Г. Исхаки, где отмечены интересные детали, подробности тюремного быта. 27 декабря 1906 г., когда Исхаки препроводили в чистопольскую тюремную камеру, там уже сидели чистопольский купец, торговец мануфактурными товарами Гариф Бадамшин и дамулла Наджиб Амирханов. Встретившись, они «чаевничали, подобно муллам, приведшим своих сыновей в медресе» (Исхаки, 2024: 109). В дни свиданий навестить их приходили по 30–40 посетителей из Чистополя и чистопольского уезда. Думается, столь массовый допуск в тюрьму родственников и сочувствующих был определенным образом нарушением тюремных правил. Арестанты читали периодику, как пишет Исхаки, «газеты в тюрьму не приносят, но мы находили возможности достать их из-под полы» (Исхаки, 2024: 120).

7 февраля 1907 г. Г. Исхаки в «Зиндане» пишет о том, что отношение к политическим заключенным тюремных служащих и надзирателей сильно поменялось. Если в дни прибытия Исхаки в тюрьме они беспрестанно ругались и кричали, то через некоторое время они заходили к ним в камеру попить чаю, поесть и побеседовать с ними. Вот как описывает происходящее Исхаки в «Зиндане», указывая на мягкость обращения с заключенными:

Тюрьма день за днем все больше напоминала не место для содержания грабителей и убийц, а школьный пансион или студенческие номера в гостинице. Разница заключалась лишь в наличии на окнах решеток и больших железных замков на дверях, а также большого ко-

личества вооруженных револьверами людей, по какой-то причине стороживших нас. Мы давно привыкли к такому окружению, оно нас совсем не тревожило. Тюремное начальство было до такой степени мягким, что мы пользовались такими правами, которые и не снились заключенным других тюрем. Между нами и начальством не было никаких противоречий или конфликтов. Так как обыски не проводились, можно было хранить в камерах все, что мы хотели. Ежедневно мы получали вести с воли, читали газеты. Вдобавок к этому, упростился порядок свиданий и посещений. К тем, у которых было разрешение на свидания, приходили все, кто хотел: для этого достаточно было назваться родственником (Исхаки, 2024: 128).

Временами тюремные порядки ужесточались, возникали конфликты между начальством и арестантами, виною которых бывали и заключенные, и их охранники. Описания и выводы Гаяза Исхаки, к сожалению, не дают конкретную информацию о бытовых деталях и проблемах заключенных.

Известно, что многие татарские религиозные и общественные деятели пострадали за свои взгляды и активную общественно-политическую деятельность. Например, Шигабутдин хазрат Шарафутдинов – чистопольский указный мулла, человек достаточно передовых для своего времени воззрений, дядя Гаяза Исхаки. Шигабутдин Шарафутдинов – был муллой 2-го прихода и преподавателем медресе в г. Чистополе, который возник в 1904 г. без всяких разрешений на улице Канавная отдельно от мечети. В журнале «Аль-Ислах» (1907 г.) автор под псевдонимом Злой шакирд упоминает медресе Шигабутдина хазрата, сооружение которого обошлось в восемь тысяч рублей. Он дает ему очень высокую оценку: «Эта школа лишена недостатков. Тамошние мугаллимы еще в материнском чреве овладевают знаниями. Подростки одиннадцати-двенадцати лет дают уроки» (Усал шәкерт, 1907: 12). В базе данных жертв политических репрессий о нем пишется следующее: «Шарафутдинов Шигабутдин, 1862 г.р., родился в с. Яуширмэ (Кутлушкино) Чистопольского района, проживал в г. Чистополе, мухтасиб. Арестован 25 июня 1938 г., обвинен по ст. 58 п. 4 и ст. 58 п. 11 как «Участник антисоветской буржуазно-националистической организации «Идель-Урал», умер в заключении 6 июля 1938 году в областной больнице ОМЗ НКВД ТАССР во время следствия, реабилитирован 28 апреля 2000 г.» (База данных жертв...) Известно, что в женском медресе Чистополя второго прихода по улице Канавной преподавали Биби-Хадича Шарафутдинова – жена муллы, домашнего образования; Марьям Шарафутдинова – дочь муллы, домашнего образования; Рабига Исмагилова – сестра муллы.

Гаяз Исхаки в статье останавливается и на судьбе татарского деятеля Юсуфа Акчурина, который накануне выборов в Государственную Думу Российской империи был посажен в тюрьму. Автор убеждается в том, что «арестовать, осудить-посадить могут по любому обвинению и даже вовсе без оногo» (Төрмә, 1907). Юсуф эфенде, посетив тюремную камеру, воочию увидев тамошние порядки и людей, окончательно расстается со своим застарелым стра-

хом, у него резко возрастает уважение к арестантам. Выступая в Казани перед единомышленниками, приверженцами прогрессивных взглядов, Ю. Акчурин, как пишет Исхаки, заявил, что «ради таких минут можно и пару месяцев в камере посидеть» (Төрмә, 1907).

В завершающей части повести «Зиндан» 29-летний Исхаки задает вопрос: «Нужно ли отказаться от любимого занятия из-за страха оказаться за решеткой? Ответ один – конечно, нет!» (Исхаки, 2024: 325). Сильное желание заниматься любимым делом привело к тому, что Исхаки «за революционную деятельность, антиправительственные выступления 18 раз подвергался арестам, сидел в тюрьмах Чистополя, Казани, Москвы, С.-Петербурга, находился в ссылке в Архангельской губернии» (Татарская энциклопедия, 2005: 628).

Нелёгкой оказалась судьба и родных братьев, сестер Гаяза Исхаки. Политическая жизнь классика татарской литературы Г. Исхаки внесла коррективы в их будущее. Родившаяся после Исхаки его сестра Гайнелмарзия была арестована в начале августа 1938 г. и сидела в тюрьме Чистополя 14 месяцев после объявления брата врагом народа. Причина ареста – поддержание связи с Гаязом Исхаки. При ее аресте были изъяты письма Исхаки. После освобождения Гайнелмарзия уезжает в Ташкент. Дочь Гайнелмарзии – Сююмбика Шарипова – в письме, опубликованном в журнале «Эхо веков» (1998, № 3/4), отмечает, что семья жила в страхе, все боялись вспоминать имя Гаяза Исхаки. В Ташкент уезжает и младшая из сестер – Халимабану, там же она и похоронена. Младшая сестра Исхаки – Фаридабану, после смерти мужа повторно вышла замуж за революционера-большевика Гаяза Садыкова, похоронена в Чистополе.

Трагическая судьба постигла и брата Г. Исхаки – Ахметхасана, который родился 12 февраля 1896 г. и был последним ребенком в семье. В выше цитированном письме упоминается его проживание в городе Чимбай, в одном из древних городов Каракалпакстана. Младший брат Исхаки – Ахметхасан, педагог по образованию, подвергался преследованиям из-за брата Г. Исхаки, объявленного «врагом народа». Он два раза сидел в тюрьмах, после которых его не оставляли в покое, продолжали вызывать на допросы. Постоянное психологическое давление сломало Ахметхасана и привело в 1940 г. к самоубийству. Местонахождение его захоронения неизвестно.

В последних двух абзацах произведения упоминаются томящиеся в тесных, сырых и зловонных камерах сыновья татарского народа – Гаяз Исхаки, Наджиб Амирханов, Гариф Бадамшин. Все мусульмане Казанской губернии и далеко за ее пределами знали, что молодой мулла, начинающий писатель, журналист Гаяз Исхаков вместе с дядей Фатыха Амирхана, зятем Закира Камалова, руководителем медресе, талантливым педагогом Назипом Амирхановым и кандидатом в депутаты Государственной Думы, известным в Чистополе купцом и общественным деятелем Гарифом Бадамшиным находятся в тюрьме родного города.

Надзор за Исхаки в Чистополе усилился в связи с приближающимися выборами в декабре 1906 г. в Государственную Думу. Полиция, объединившись с

представителями черносотенного движения, с целью недопущения избрания не угодных власти людей, начала проводить аресты оппозиционеров. Чтобы пробиться в Думу, сторонники черносотенного движения добились ареста купца Гарифа Бадамшина, а также верой и правдой служившего мусульманам Чистополя и обучающего шакирдов на протяжении пятнадцати лет Наджиба Амирханова. Оба были арестованы 13 декабря 1906 г. Гарифа Бадамшина выпустили 27 января 1907 г., а Наджиб Амирханов вышел на свободу 11 февраля 1907 г. Их арест был необходим черносотенцам для обеспечения успеха на выборах, поскольку «во время предыдущих выборов черносотенцы не смогли продвинуть ни одного представителя и обвинили в этом блок мусульман и кадетов, а в его организации – дамеллу Наджиба» (Исхаки, 2024: 101).

Арест уважаемых чистопольцев произвел сильное впечатление на население, во всех селах обсуждали это событие. Народ провинциального города, еще более озлобленный на местные власти, стал «свидетелем тому беззаконию, о котором раньше говорили, основываясь на слухах» (Исхаки, 2024: 102). Отец Исхаки, семидесятилетний мулла, произносил оппозиционные речи на религиозных обрядовых собраниях, мусульмане Чистополя активно агитировали население оказывать сопротивление режиму, в магазинах, лавках, чайных и постоянных дворах Чистополя устраивались митинги, выступая на которых активисты говорили с возмущением о проявлениях деспотизма и тирании, причинах чиновничьего насилия и путях борьбы с ним. Исхаки считал, что арест их «полезен с точки зрения воспитания в народе чувства протеста и духа сопротивления» (Исхаки, 2024: 102), и вместо сочувствия арестантам поздравил их. Он радовался неумному действию чиновников, которое настраивало население города против себя, и был благодарен полиции Чистополя за произвол, облегчавший пропаганду, которую вёл Исхаки, сделав ее наглядной. Исхаки вполне понимал ситуацию и, наверное, догадывался, что скоро и сам окажется в тюрьме. 23 декабря 1906 г. около двух часов ночи стражники явились в родительский дом за Исхаки, доставив его около семи утра в Чистополь. Арест Исхаки был связан с выборами в Государственную Думу II созыва. В ночь с 17 на 18 февраля 1907 г. Исхаки был освобожден из-за недостаточных оснований для привлечения его в качестве обвиняемого.

В конце оставшегося незавершенным очерка Гаяз Исхаки утверждает, что пребывание в тюрьме лишь повышает авторитет религиозных и общественных деятелей. Они становятся лидерами нации, пострадавшими в борьбе за интересы мусульман, являются достойным примером для подражания. Анализируемый очерк дает возможность понять, в каких условиях и при каких настроениях в обществе писалось произведение «Зиндан». Для исследователей, обстоятельно изучавших советскую систему мест заключения, несколько наивные страницы произведения, первые шаги в литературе Г. Исхаки, возможно, покажутся неравнозначными описаниям. Но данное произведение вносит определенный вклад в изучение истории тюремной системы Российской империи и дает воз-

возможность увидеть фрагмент юношеской биографии будущего классика татарской литературы, часть его жизни в Чистополе.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

База данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.). URL: [https://ru.openlist.wiki/Шарафутдинов_Шигабутдин_\(1862\)](https://ru.openlist.wiki/Шарафутдинов_Шигабутдин_(1862)) (дата обращения: 10.01.2024).

Исхаки Г. Зиндан / Сост., вступ. ст. и комментарии М.А. Ахметовой. Казань: Изд-во «Заман», 2024.

Исхакый Гаяз: тарихи-документаль жыентык / төз.-авт.: *С.Рахимов, З.Мөхәммәтшин, А.Заһидуллин*. Казан: Жыен, 2011.

Төрмә [Төрмә турындагы фикеремнең тарихчасы] // Казан мөхбире. 1907. 12 гыйнварь (№203).

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: «Мысль», 1991.

Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. 2-е изд. Юридическое издательство Украины, 1930.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Госюриздат, 1952. Т. 3: 1870–1900 гг.

Карташова Л.Б. Тюрьма – есть ремесло окаянное... // Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань: Изд-во «По городам и весям», 2004. С.325–331.

Мякотин В. Строительство обновленной России // Русское богатство. 1909. №4. С.79–99.

Саханов М. Золотая эпоха татарского ренессанса: монография / предисл. академика М.Х. Хасанова. Казань: Таткнигоиздат, 2004.

Саханов М. Исхаки и татарская литература XX века: монография / предисл. академика М.Х. Хасанова. Казань: ООО «ПИК Дом Печати», 2003.

Татарская энциклопедия: в 5 тт. / гл. ред. *М.Х. Хасанов*, ответ. ред. *Г.С. Сабирзянов*. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г-Й.

Усал шәкерт. Чистай мәдрәсәсе. Аль-Ислах. 1907. №5. Б. 11–12.

Чистополь: история. Набережные Челны: Новости МИРА, 2009.

Шебалков С.В. Тюрьма в России в конце XIX – начале XX века и ее исправительное значение // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С.111–120.

Г. Исхакый исемен әйтеп сөйләшергә дә куркалар иде // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 3/4. Б. 190–191.

Мәхмүтов И. Исхакый эзләреннән... // Мирас. 1997. №3. Б. 154–157.

REFERENCES

- Berdyayev N. (1991) *Self-discovery. The Experience of Philosophical Autobiography*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Chistopol: he history* (2009). Naberezhnye Chelny: Novosti MIRA Publ. (In Russ.)
- Gernet M.N. (1930) *In prison. Essays on prison psychology*. 2nd edition. The legal publishing of Ukraine. (In Russ.)
- Gernet M.N. (1951) *The history of royal prison*. Vol. 3: 1870–1900. Moscow: State Legal Publ. House. (In Russ.)
- Kartashova L.B. (2004) The prison is a cursed craft... In: *Chistopol and its residents. From the past and present*. Kazan: “Po gorodam i vesyam” Publ. House: 325–331. (In Russ.)
- Makhmutov Kh. (1997) Following the steps of Iskhaki... *Miras* [Miras]. No. 3: 154–157. (In Tat.)
- Malicious shakirt (1907) *Chistopol madrasah*. Al-Islah Publ. No. 5: 11–12 (In Tat.)
- Myakotin B. (1909) Building new Russia. *Russkoye bogatstvo* [Russian wealth]. No. 4: 79–99. (In Russ.)
- Sakhapov M. (2003) *Iskhaki and the Tatar literature of the 20th century: a monograph*. Preface by academician M.Kh. Khasanov. Kazan: LLC “PIK” Print. House. (In Russ.)
- Sakhapov M. (2004). *The Golden epoch of the Tatar renaissance: a monograph*. Introduction by academician M.Kh. Khasanov. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Shebalkov S.V. (2014) Prison in Russia in the late 19th – early 20th century and its correctional role. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities]. Vol. 156. Book. 3: 111–120. (In Russ.)
- Tatar encyclopedia* (2005). Eds. M.Kh. Khasanov, G.S. Sabirzyanov. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences Institute of the Tatar Encyclopedia. Vol. 2. (In Russ.)
- They were afraid to even mention the name G. Iskhaki (1998) *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Ages]. No. 3/4: 190–191. (In Tat.)

Сведения об авторе: Ахметова Миляуша Ансаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1051-5169>; e-mail: ama201289@yandex.ru

About the author: Milyausha A. Akhmetova, Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow of the Laboratory of Multiple-factor Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (2/31 Lobachevsky St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1051-5169>; e-mail: ama201289@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 11.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 31.03.2025

Принята к публикации / Accepted 22.04.2025